

ПОЭТ НАПРЯЖЕННОЙ МЫСЛИ

*Интервью с Еленой Ушаковой
11 января 1991, Ленинград*

— Когда вы впервые прочитали Бродского, и как менялось ваше отношение к его поэзии?

— Впервые я прочитала Бродского лет в 20. Отношение менялось вместе с его усложняющейся поэзией и моим собственным ростом.

— Какой исторический и культурный опыт персонифицирован в поэзии Бродского наиболее удачно?

— Наш советский и, может быть, античный, римский в смысле аналогии с советским опытом.

— Насколько оригинальны философские медитации Бродского?

— Они настолько оригинальны и глубоки, насколько выстраданы в реальных жизненных обстоятельствах. Чужую философию в стихи Бродский не перекладывает.

— Какой дух царит в его поэзии, русский или европейский?

— В его стихах царит европейский дух русской поэзии.

— Удалось ли Бродскому сдвинуть русскую культурную парадигму с ее традиционного направления?

— Нельзя представлять себе традицию русской поэзии в виде одного направления, одной ветки. Их несколько, и они очень разные. Поэтому говорить о сдвиге парадигмы не имеет смысла. В свое время казалось, что это сделал Маяковский, но затем выяснилось, что это ему не удалось. Мне кажется, что в своем творчестве Бродский перемешал Баратынского, Цветаеву и Пастернака. Разумеется, внеся нечто новое, свое, отчасти продиктованное временем. Возможно, с помощью англоязычной поэзии, о которой судить могу только по переводам.

— Разделяете ли вы отношение Бродского к языку?

— Да, язык есть Бог. В нем — „наше все“. Мы только осуществляем выбор, но и он подсказан нам языком.

— В какой степени поэзия вообще, и поэзия Бродского в частности, является самосознанием языка?

— Поэзия формирует нашу речь; с детства мы впитываем язык вместе со стихом. Это неудивительно: природа поэзии заключена в собственно-речевом элементе (имею в виду сосюрсовское противопоставление языка и речи). Поэзия предназначена для увековечения чисто речевых летучих моментов устной речи, в первую очередь интонации. Зависимость между поэзией и языком несравненно большая, чем между языком и прозой.

— Как вы себе представляете трудности и преимущества жизни поэта в иноязычной среде?

— Трудности представляю себе очень хорошо. Родная речь — питательная среда поэзии. Тут важны все изменения, которые претерпевает язык; каждая речевая ситуация может породить новые стихи. Известно, что оглохший человек через некоторое время начинает плохо говорить, утрачивает правильную речь. Так и поэт, потеряв связь с родным языком, может прекратить писать на нем. Слава Богу, с Бродским этого не произошло; думаю, в силу его дарования и ума — понимания опасности, которая грозит ему, и готовности ее преодолеть.

— Анатолий Найман цитирует в своей книге Ахматову, сказавшую по поводу „дела Бродского“: „Какую биографию делают нашему рыжему, как будто он специально кого-то нанял“². Видите ли вы в феномене Бродского слияние дара и судьбы?

— К сожалению, у нас часто поэзию подменяют биографией. Я не согласна с ахматовским пониманием биографии (или судьбы). Мне кажется оно старомодным. С моей точки зрения, биография — дело десятое. У Баратынского или Тютчева ее, можно сказать, „не было“. А Мандельштаму ее навязали. Возможно, биография сыграла в мировой славе Бродского известную роль, но, мне кажется, последнее время он тяготеет биографией и предпочитает разговор о самих стихах.

— Виктор Кривулин объясняет „нотки самоотвращения“ в обрисовке автопортрета Бродского чувством поражения³. Как по-вашему, знакомо ли Бродскому это чувство?

— Чувство поражения, мне кажется, здесь ни при чем. Наверное, как и всякому человеку, оно ему знакомо. Но если говорить о лирическом автопортрете, то „нотки самоотвращения“ необходимы: они модернизируют романтический облик поэта, придавая ему новый, современный смысл.

— По собственному признанию Бродского, он пробовал тягаться почти со всеми русскими поэтами: от Антиоха Кантемира до Пастернака. Исключение им сделано лишь для Цветаевой, с которой он решил не вступать в соревнование⁴. Почему?

— Это только кажется Бродскому, что он не вступил в соревнование с Цветаевой. Кажется из любви к ней. На самом деле ее-то он как раз и „победил“; сказать, например, что он победил Пушкина или Мандельштама бы не решилась.

— Имеет ли „вещизм“ Бродского акмеистические истоки, или он является метафорой чего-то другого? Чего?

— Уроки акмеизма Бродский усвоил, конечно; но, может быть, предметность и конкретность его поэзии больше связаны с Державиным, чем с Ахматовой и Мандельштамом.

— Чем обеспечивается у Бродского плотная насыщенность его поэтики семантикой?

— Бродский — поэт напряженной мысли, ускорение которой обусловлено эмоциональным напором и интонационной взвинченностью.

— В эссе о Достоевском Бродский сказал: „Всякое творчество начинается как индивидуальное стремление к самоусовершенствованию и, в идеале, — к святости. Рано или поздно — и скорее раньше, чем позже — пишущий обнаруживает, что его перо достигает гораздо больших результатов, нежели душа“ [L:161/IV:181-82]. Чувствуете ли вы такой разрыв между пером и душой у самого Бродского?

— Такой разрыв в основном имеет место у поэтов романтического склада. Поскольку Бродский к ним принадлежит, его лирический герой отмечен некоторыми „совершенствами“, которых, возможно, „не достоин“ автор. А с другой стороны, я думаю, что слишком верный себе его лирический герой, подчиняясь Урании, несколько обеднен и ограничен в сравнении с автором. Душа поэта человечнее, богаче.

* * *

Иосифу Бродскому

Проданный в Египет не мог сильнее тосковать,
Яростнее, настойчивей, упрямей, отчаянней,
Чем вы, Иосиф, или ты, Поэт, — как сказать
Я не знаю лучше. Экономные англичане

Совместили единственное и множественное число,
В одном чирикающем словце у них „ты“ — ласковое объятие
Нежное, дружеское — не правда ли, нам повезло? —
И добротное „Вы“ — степенное рукопожатье.

Но я не знаю, как рассказать про золотоносную тень на Кирочной
(Щедрина)
И Пестеля ее далекому обладателю, когда в декабре проезжаю,
И фонарный проливается свет, „мед огней вечерних“ на
Марсово поле, Фонтанку — здесь она, вижу, с краю

Всегда живет молодая сопутствующая нам тоска
Радужная, счастливая, теплое рыданье,
Ранних стихов ленинградских безгрешная река
Подо льдом узорным — позднейшим напластованьем.

Сколько души понадобилось, чтобы освоить чужой язык,
Обуздать, приспособить, укротить, войти в него,
Поселиться, прижиться, чтобы в нервную ткань проник,
Чужеродный, нитями лучевидными и ливневыми.

О родительный, дательный, предложный! — дома, дому, домой, —
О творительный! — очагом домашним, родным, отчим домом,
Шлейфом, темным крылом простиравшимся через океан за тобой
(За Вами), частью речи тянущимся, влекомым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из частного письма Л.Я. Гинзбург.

² Анатолий Найман, „Рассказы о Анне Ахматовой“ („Худож. лит-ра“: М., 1989), С. 10.

³ А. Каломиров (псевдоним Виктора Кривулина), „Иосиф Бродский (место)“, „Поэтика Бродского“, сборник статей под редакцией Л.В. Лосева (Hermitage: Tenaflly, N.J., 1986), С. 224.

⁴ „The Art of Poetry XXVIII: Joseph Brodsky“, interviewed by Sven Birkerts in December 1979 („Paris Review“, Vol. 24, No. 83, Spring 1982, P. 104). Reprinted in „Writers at Work: The Paris Review Interviews English Series“, Ed. by George Plimpton (New York, 1988), P. 373-412.

Александр Семенович Кушнер родился 14 сентября 1936 года в Ленинграде. Поэт и эссеист. Окончил Ленинградский педагогический институт им. Герцена, с 1959 по 1970 год преподавал русскую литературу в школе. Кушнер дебютировал сборником „Первые впечатления“ (1962). После второй книги стихов „Ночной дозор“ (1966) был принят в члены Союза советских писателей. Последующие поэтические сборники создали ему заслуженную репутацию „крупнейшего русского лирика“ (Бродский): „Приметы“ (1969), „Заветное желание“ (1973), „Письмо“ (1974), „Прямая речь“ (1975), „Город в подарок“ (1976), „Голос“ (1978), „Канва. Из шести книг“ (1981), „Таврический сад“ (1984), „Дневные сны“ (1986), „Стихотворения“ (1986), „Живая изгородь“ (1988), „Ночная музыка“ (1991), „На сумрачной звезде“ (1994). В 1991 году опубликовал книгу эссе „Аполлон в снегу“.

Чуждый конъюнктуре, отрешенный от злобы дня Кушнер сумел сохранить независимость и уважение читателей на родине и в эмиграции в течение более чем тридцати лет работы в русской поэзии. За внешней биографической бессобытийностью и благополучной судьбой публикуемого поэта скрыта интенсивная жизнь души, которую Бродский сравнил с двигателем внутреннего сгорания. „Стихам Кушнера, — пишет он, — присуща сдержанность тона, отсутствие истерики, широковещательных заявлений, нервической жестикюляции“¹. Изящный музыкальный рисунок оформляет в новую для русской поэзии гармонию традиционные формы и новейшее содержание стихового слова, образную систему аскета и психологию стоика, классические ритмы и современную рефлексию, эти ритмы одухотворяющую. „Виртуозная подвижность интонации“ выделяется критиками как одно из новаторских свойств его поэзии. Лирический герой Кушнера — сугубо частный человек, желающий сохранить собственное достоинство „вопреки всем ухищрениям зла“. Его миро-текст едва ощутимых оттенков и полутонов недосказанного полон воздуха и света. В 1991 году вышел том переводов Кушнера на английский язык с предисловием Бродского²